

Х. Империя и Революция

(Liberté. 1868. № 58)

XVIII век со своими великими и, поистине, свободными мыслителями, направил человеческую мысль на новый путь, по которому она должна была прийти до простого и ясного понимания истины. Вольтер, Дидро, Кондорсе и все другие пролили на всевозможные вопросы тот яркий свет здравого смысла, который уже исключает возможность мистицизма, туманного идеализма и стремления строить предвзятые истины; новейшей науке следовало только везде прилагать могущественный аналитический метод, и она дошла бы до положительного решения всевозможных задач после точной его постановки.

Революция, в промежуток времени от 1789 до 1794 года, т.е. до падения Дантона, разрушила в мире реальном те препятствия, которые философы уничтожили в мире отвлечённом.

Дорога была изглажена, великий толчок дан, и европейскому обществу, казалось бы, оставалось только идти по ней, чтобы достигнуть царства счастья и науки.

В таком свете представлялись вещи всем великим людям конца прошлого столетия. Та же безграничная вера в будущность заставила Канта, Гёте, Шиллера пролить слёзы радости при первом известии о первых взрывах, произведённых во Франции новой идеей.

Но настала реакция. Она первоначально вышла во всеоружии из недр самой революции и олицетворилась в Робеспьере. Этому человеку и его школе удалось подчинить великие стремления революции узкому формализму предвзятой философии, которая употребила все возродившиеся силы нации на служение личной системе, опиравшейся на авторитет силы и заканчивавшейся идеей божества.

С этого времени кончается XVIII век и начинается XIX, с его рядом последовательных реставраций. Наполеоновская реставрация восстановила материальные основы старого порядка; реставрация Бурбонов возобновила порванную цепь старых традиций; реставрация Луи Филиппа, надо заметить, самая развращающая, сумела исказить даже само воспоминание о революции, создавший невозможный компромисс между старыми и новыми идеями; движение 1848 года привело социализм к старой авторитарной организации.

Наполеон III – только последнее слово и неизбежное следствие четырёх реакций, из которых каждая, сама по себе, была не в силах заглушить в сердце народа великие надежды, пробуждённые революцией. И будут ли легитимисты парламентаристы, республиканцы 1848 года считаться врагами второй империи или нет, во всяком случае ясно то, что империя обязана своей силой каждой из этих партий и держится только корнями, пущенными предшествовавшими реакциями. Она набожна, как Бурбоны, банкократична, как Орлеаны и в то же время такая же демократка, признающая центральную власть, как и

республика 1848 года, наконец, весь этот сброд позолочен призраком военной славы, оставшимся от первой империи.

Удивительно поэтому видеть, что бывшие свидетелями всех трёх предыдущих эпох так плохо понимают философию истории и необходимые следствия движений, в которых они сами принимали участие; эти люди смотрят на империю, как на что-то совершенно изолированное и не имеющее ничего общего с рядом предшествовавших ему правительственных форм, тогда как она есть необходимое заключение этого ряда, который не мог быть закончен ничем иным. Мы делаем одно только исключение именно для тех людей, которые во время республики 1848 года были за одно с Прудоном. Они члены другого ряда, – революционеры, которые прямо примыкают к XVIII веку.

Они ни на одну минуту не имели в руках своих власти. Прошедшее, следовательно, их не компрометирует; для них было бы равнозначно отречение от своих идей, – значило бы оборвать нить, которая вела их по лабиринту стольких правительств и которая служит для них ручательством за будущее. Но, что Виктор Гюго, Луи Блан, Гизо, легитимисты смотрят с презрением на империю и отказывают ей в поддержке – этого мы не понимаем; разве что у них личные счёты или, может быть, они недовольны за то, что они заняли их место. Мы не говорим ни о Тьере[47], ни о Жюле Фавре: они вошли в состав императорской системы, они соединены с ней, потому что они обеспечивают ей необходимый элемент – правильную оппозицию, которая оживляет политическую жизнь империи. Мы также не понимаем, зачем наша бельгийская докринёрская пресса так систематически выставляет себя враждебной империи; разве за тем, чтобы уверить наших добрых буржуа, будто действительно существует значительная разница между бельгийскими порядками и французскими. С 1852 года, действительно, общественная свобода больше уважалась в Бельгии, чем во Франции, и по очень простой причине – никто не желает пользоваться свободой. Когда в Бельгии со временем образуется такая же сильная партия социалистов, как и во Франции, посмотрим, можно ли будет также свободно писать и говорить, как теперь. Уже и теперь правительственная реакция даёт себя чувствовать, а между тем, нет ещё и тени опасности для общественного порядка. Что же было бы если бы опасность существовала?

В сущности, мы находимся теперь, относительно социального и политического положения, на такой же ступени развития, как Франция в 1848 году.

Итак, поменьше самохвальства!

Раз империя силой унаследовала власть после всех правительств, бывших во Франции со времени Робеспьера, она может считаться их законной наследницей, потому что и её предшественники тоже достигали власти посредством силы, так что факт насильственного переворота со стороны империи только подтверждает её родственную связь с прежними правительствами. Понятия о законности власти, существовавшие в старом свете, узаконяют господство империи. Никто из приверженцев старого порядка не имеет права бросить в неё камень.

Что же означают эти сумасбродные манифесты, которые каждые шесть месяцев приходят из Лондона, и в которых-то г. Феликс Пиа, то Виктор Гюго или кто другой предаёт анафеме

империю? Это протест Авиньона против Рима, потому что религия у них одна и та же – религия власти. Те, которые поклоняются ей, не имеют права протестовать ни против какого правительства. **Идея государства допускает всевозможные средства; а цель всякой власти прежде всего управлять.** Пока империя сильна, она права перед нападающими на неё государственниками. Только павшие правительства виноваты, и то потому, что они не сумели поддержать своё существование. **Нужно разубедить народ в том, что есть дурные и хорошие государства, и что хорошие имеют право относиться с презрением к дурным.**

Оставить его в этом убеждении значит заставить его вращаться в заколдованном кругу, значит приготовить, после стольких испытанных реакций, новые реакции – повторения освищенных комедий. **Все правительства одинаковы; и никогда никто не управляет как следует, потому что народ с здоровой головой не требует никакого правительства.**

Доказательства того, что все они одинаковы служит та постоянная взаимная поддержка, которую они друг другу оказывают. Наши либералы, которые ругают империю в своих речах и газетах, чтобы показать себя передовыми людьми, в то же время составляют законы, чтобы держать народ в почтении к императорскому строю.

С тех пор, как во Франции окончилось взаимное уравнивание Парижской Коммуны и Конвента и даже самих революционных вождей в Конвенте между собой, уравнивание, при котором власть, собственно, не принадлежала никому, и когда достаточно было бы лишь немного спокойствия, чтобы всю правительственную машину свести на самые простые начала управления, с тех пор как это кончилось, говорю я, всё в европейской политике было лишь реакцией. Так пусть же те, которые под различными видами принимали участие в следовавших друг за другом реакциях, не надоедают нам своими криками и взаимными угрозами. В особенности пусть Пиа, Виктор Гюго и романтики, прямые потомки реставрации Бурбонов, сыны Шатобриана, давшие европейской реакции тот гармоничный язык, которым она нас опьяняла и увлекала, пусть они в особенности избавят нас от своих пустых фраз, от этой пошлой болтовни, которая служила всегда торжествовавшим партиям и сильным господам.

Нам нужно возвратиться к XVIII веку к тому времени, когда честные и простые люди высказали массу правдивых и верных идей, которые до сих пор остались истинными и революционными. Вся никуда не годная мелочь и вся мишура, представляющие с первого взгляда действительные интересы дня, на самом же деле рассчитанная только на эффект, нам уже достаточно надоела. Красивые позы, пророческий вид главных проповедников романтической демократии, их таинственные слова, тождественные суждения нам противнее, чем даже сама римская империя, если бы она ожила.

Нужно заметить, что эти великие фразеры обыкновенно столько же смыслят в этих идеях, как какой-нибудь лавочник. Хотя они и стремятся сделаться полубогами в глазах народа, однако ни один из них не сможет сказать что-нибудь, что хотя бы сколько-нибудь походило на новую смелую мысль.

